

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

В. П. Адрианова-Перетц о средневековых «энциклопедических» сборниках и поэтике

В. П. Адриановой-Перетц принадлежит более 200 работ, посвященных основным проблемам истории и теории древнерусской литературы, изучению поэтического стиля Древней Руси, взаимосвязей литературы с русским фольклором и деловой письменностью, открытию целого литературного пласта — русской демократической сатиры XVII в., текстологическому анализу и определению жанровых и стилистических особенностей целого ряда оригинальных и переводных литературных памятников XI—XVII вв.

Значительное место среди ее исследований уделено дидактической, «учительной» литературе, «словам», «поучениям», афоризмам, входящим в состав различного типа сборников, книг так называемого «устойчивого» состава (впрочем, состав их устойчив весьма относительно). Из бесчисленного множества этих жанрово разнообразных и сложных по составу книг-сборников Варварой Павловной исследовались: «Толковая Палея» (1909—1910 гг.), «Аристотелевы врата» (1911 г.), «Евангелие учительное и сборник слов и поучений от недели о мытаре и фарисее до цветоносной недели» (1911 г.), «Евангелие Фомы» (1909 г.), «Изборники» (1073 и 1076 гг.), «Измарагд», «Златая цепь», «Пчела», сборники афоризмов и юмор, Патерики, Прологи и целый ряд других. Некоторые из этих сборников Варвара Павловна и определяет как своего рода тематические «энциклопедии», непременно оговаривая при этом условность этого определения.

Варвара Павловна неоднократно писала о важности изучения «всей религиозно-учительной книжности Древней Руси», этого «своеобразного круга памятников, которые непосредственно в „историю древнерусской литературы“ не входят и «связаны с церковным обрядом», «но составляют неотъемлемую часть культуры, во многом определявшую своеобразие всех форм искусства, в том числе и словесного»; изучение же истоков дидактической литературы позволяло при этом проследить, «как определялись задачи литературы и вырабатывались словесно-изобразительные средства у древнерусского писателя. . .»¹

Методическая новизна как в изучении оригинальных памятников древнерусской литературы, так и при анализе именно творческого процесса «усвоения» на Руси переводных «литературных памятников мирового значения, переданных нам Византией непосредственно или через южных славян», состояла в опоре на «своеобразную почву»: «наличие на Руси уже к X веку хорошо развитого устного языка» и образной системы фольклора.² Об этом же как основном выводе своего исследования Варвара Павловна

¹ Адрианова - Перетц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 4.

² Адрианова - Перетц В. П. Заключение // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 428.

писала в 1947 г. в «Очерках поэтического стиля Древней Руси»: «Система метафорически-символических формул слагалась в древнерусской литературе из довольно ограниченного количества образов, которые опирались на два источника: народную устную поэзию и образность живого языка, с одной стороны, и на библейско-византийскую литературную традицию, — с другой».³ Наглядным подтверждением такой методике сравнительного изучения древнерусской литературы и фольклора является посмертно изданный сборник статей В. П. Адриановой-Перетц «Древнерусская литература и фольклор».⁴ Та же методика анализа была применена Варварой Павловной и при изучении сборников религиозно-учительной литературы в ее работах «Афоризмы Изборника Святослава 1076 г. и русские пословицы»,⁵ «Библейские афоризмы и русские пословицы»⁶ и др.

В 1931 г. академик А. С. Орлов сделал доклад на тему «Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды».⁷ К числу книг «энциклопедического вида» А. С. Орлов относил крупнейший летописный свод «Никоновскую летопись», эту «московскую историческую энциклопедию», Великие Минеи Четы митрополита Макария, «Домострой» и «Азбуковники». Характеризуя их, он писал: «Во всех этих книгах есть отношение к энциклопедизму: каждая из них объединяет сведения в тот или другой „круг знания“ и представляет его в возможной полноте и систематичности (разной степени). . . Конечно, форма этих книг имеет мало общего с той, которая свойственна западноевропейским книгам, признанным наукой за энциклопедию. Только „Азбуковник“ близок к этой форме как расположением материала, так и своими толкованиями, реалиями и цитацией».⁸ Такой подход к изучению сборников «устойчивого» состава ближе всего, пожалуй, книговедческому.

Д. С. Лихачев в книге «Поэтика древнерусской литературы» ставит вопрос по-другому, выдвигая проблему возможности и необходимости изучения сборников «устойчивого» состава в целом как жанра; при этом он разрабатывает методiku изучения и намечает целый ряд конкретных задач для исследования такого типа.⁹ Подобного рода работы уже выполнены самим Дмитрием Сергеевичем (имею в виду его статью «Появление на Руси жанра летописи»,¹⁰ в этом же плане ведет работу О. В. Творогов;¹¹ серия статей о Торжественниках написана Т. В. Черторицкой,¹² имеется работа о жанре Минеи Четых¹³ и ряд других.

Совершенно с других позиций подходит к изучению сборников «устойчивого» состава В. П. Адрианова-Перетц.

Исходя из того, что сборники — «наиболее распространенная форма древнерусской рукописной книги» (т. е. наиболее читаемая), она изучает их как круг чтения древнерусского писателя и читателя и исследует «прежде всего „человековедческий“ материал переводной религиозно-

³ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 118.

⁴ Л., 1974. 172 с.

⁵ ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 3—19.

⁶ Там же. Л., 1971. Т. 26. С. 8—12.

⁷ Доклады АН СССР. / Сер. «В». 1931. № 3.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 59.

¹⁰ Лихачев Д. С. Появление на Руси жанра летописи // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986. С. 7—18.

¹¹ Творогов О. В. Летопись—Хроника—Палей: (Взаимоотношение памятников и методика их исследования) // Там же. С. 19—30.

¹² Черторицкая Т. В. 1) Агиография русских минейных Торжественников конца XIV—XV вв. // Вопросы сюжета и композиции: Межвузовский сб. Горьковского ун-та. Горький, 1980. 2) К вопросу о литературной истории древнерусского минейного Торжественника // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982; и др.

¹³ См.: Дробленкова Н. Ф. Из истории жанра Четых Минеи в русской литературе // Армянская и русская средневековые литературы. С. 139—181.

дидактической литературы («слов», «поучений», сборников афоризмов)». ¹⁴ Изучая материал сборников, она ставит вопрос: «какова была роль переводной и русской религиозно-дидактической литературы в литературном процессе Древней Руси?». ¹⁵ Ответ на этот вопрос подтверждает немаловажное значение «учительной» литературы и в накоплении навыков и приемов изображения «внутреннего» мира человека, психологии его поступков (т. е. «человековедения»), и в оттачивании литературных формул. и в создании метафор-символов древнерусской литературы, а в конечном итоге — в формировании поэтического стиля Древней Руси.

Этим проблемам посвящен целый цикл работ Варвары Павловны: «К вопросу об изображении „внутреннего“ человека в русской литературе XI—XIV вв.», ¹⁶ «Человек в учительной литературе Древней Руси», ¹⁷ «К вопросу о круге чтения древнерусского писателя». ¹⁸ Материал «учительной» литературы был использован Варварой Павловной и в работе над книгой «Очерки поэтического стиля Древней Руси» (1947 г.).

Варвара Павловна ставит вопрос о том, что представлял собой «круг чтения» древнерусского книжника, «что входило в состав переводной религиозно-дидактической (учившей «человековедению») литературы, принесенной на Русь вместе с христианством», ¹⁹ — и приводит обзор этих книг. Это были прежде всего ветхозаветные книги, состоявшие из отдельных правоучительных изречений, создававших идеал «мудрого» человека (Соломона); отдельные стихи-изречения из поэтической книги Псалтырь, передававшие человеческие настроения; из новозаветной части Библии (евангелий и апостольских посланий) — «притчи» и «поучения», разъяснявшие христианскую этику; сочинения византийских отцов церкви с проповедью христианской морали; сборники типа «Пчелы» (с выписками из библейских и святоотеческих книг на морально-философские темы); сборники изречений Менаандра («Мудрость Менаандра») или изречений Исихия и Варнавы, а также «Изборники» 1073 и 1076 гг. (последний — для домашнего назидательного чтения).

Особенно популярными среди этих книг были сборники «поучений» на моральные темы — «Измарагд» и «Домострой» — и сборники изречений (афоризмов) о правилах человеческой морали, в частности «Изборник» Святослава 1076 г. (книжным афоризмам которых чрезвычайно близки русские народные пословицы).

Из этих книг названия «энциклопедический сборник», «энциклопедия» ²⁰ Варвара Павловна применяет лишь к «Изборнику» 1073 г. и «Измарагду».

В статье «Афоризмы Изборника Святослава 1076 г. и русские пословицы» Варвара Павловна отмечает, что «Изборник» 1073 г. вплоть до XVII в. служил «своего рода энциклопедией сведений по разным отраслям знаний», так как включал «материал самого разнообразного содержания — богословского, учительного естественно-исторического, по теории риторической речи. . .» ²¹.

Однако внимание исследователя привлекает не «Изборник» 1073 г., а именно «Изборник» Святослава 1076 г., составленный русским писцом, «грешным Иоанном», как «своего рода хрестоматия», ²² где были собраны с исчерпывающей полнотой «поучения» и афоризмы на тему, «како жити

¹⁴ А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. Человек в учительной литературе Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 4.

¹⁶ См.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.; Л., 1958. С. 15—24.

¹⁷ ТОДРЛ. Т. 27. С. 3—68.

¹⁸ Там же. 1974. Т. 28. С. 3—29.

¹⁹ А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. Человек в учительной литературе. . . С. 4.

²⁰ А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. К вопросу о круге чтения. . . С. 4.

²¹ ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 5.

²² А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. К вопросу о круге чтения. . . С. 6.

христианину»,²³ отвечавшие на все основные вопросы средневекового читателя: «о богатых и бедных, о властях и подчиненных, о „попех“ и их пастве, о семейных отношениях — о родителях и детях, о „женах злых и добрых“ и на целый ряд собственно религиозных тем».²⁴ Этот материал позволял исследователю наблюдать, как древнерусские книжники «заглядывали во внутренний мир человека» и создавали «примеры мастерского изображения отдельных свойств характера и поведения человека», хотя это еще не был его «цельный образ».²⁵ С этой же точки зрения Варвару Павловну интересуют и другие сборники, прежде всего «Измарагд». Она называет «Измарагд» «своеобразной энциклопедией . . . общественной и личной морали средневековья».²⁶

«Поучения» и «слова» «Измарагда» («о лжи и клевете», «о ярости и о гневе», «об отношении к богатству и сребролюбию» и проч.) представляют исследователю богатый материал намеченных портретных и психологических зарисовок (к примеру, облик разъяренного человека, у которого от ярости «очи искры испускаета», а «нозе смешно переходита и скачета . . . аки дикие кони копают. . . Воистину, бо муж яр — не благообразен»)²⁷

Исследование «Измарагда» приводит Варвару Павловну к воссозданию психологического облика средневекового человека. Задавая вопрос, в чем заключается вклад «учительной» литературы в подготовку почвы для создания литературных характеров,²⁸ она отвечает изложением «сути воззрений учительной литературы на душевный мир человека»: человек «самовластен» — своей волей совершает поступки, ведущие к добру и злу, к правде и неправде; самым ценным признается ум («разум», «смысл»); «ум следует развивать „наказанием“ (т. е. учением), а словом надо пользоваться с осторожностью, помня его силу, которая может быть и полезна и вредна человеку; труд — основа жизни («праздный — да не яст»), отсюда резкое осуждение лени, праздности, пьянства — всего, что отвлекает от труда; человек обязан уметь владеть собою, быть искренним, нелицеприятным в отношениях с окружающими, помогать каждому нуждающемуся в помощи» и проч.²⁹

Варвара Павловна приводит убедительные примеры того, как дидактические произведения на тему, «како жити всякому человеку», уже с XI в. воздействовали на оригинальные памятники древнерусской литературы — помещенное в Лаврентьевской летописи под 1096 г. «Поучение» Владимира Мономаха и «Слово» Даниила Заточника, «Поучения» Серапиона Владимирского и целый ряд других³⁰ уже более позднего времени.

Чтобы показать, насколько глубоко умела старинная «учительная» литература «заглядывать во внутренний мир человека», Варвара Павловна проводит сравнение «поучений» «о скупости и несытости сребролюбца» с образом Скупого рыцаря А. С. Пушкина. Дидактическая литература изображает сребролюбие как «лютый. . . недуг», который поражает равно и «убогого» и «богатого»: «Несть скупый стяжанию своему господин, но страж есть, и приставник, и раб»; душа сребролюбца «глеет, зрящи блистания златнаго», но скупой сребролюбец так и умрет, не получив радости от богатства, которым воспользуются «иные».³¹

У Пушкина сын характеризует скупого отца подобно учительным «словам»: не как «стяжанию своему господина, но стража. . . и приставника, и раба»:

²³ Адрианова - Перетц В. П. Афоризмы Изборника Святослава 1076 г. и русские пословицы // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 5.

²⁴ Там же. С. 6.

²⁵ Там же. С. 19.

²⁶ Адрианова - Перетц В. П. К вопросу о круге чтения. . . С. 11.

²⁷ Адрианова - Перетц В. П. Человек в учительной литературе. . . С. 48.

²⁸ Там же. С. 45.

²⁹ Там же

³⁰ Там же. С. 51—60.

³¹ Там же. С. 18.

О! мой отец не слуг и не друзей
 В них видит, а господ, и сам им служит.
 И как же служит? Как алжирский раб,
 Как пес цепной. В нетопленной конуре
 Живет, пьет воду, ест сухие корки. . .

Сребролюбец «поучений» тоже «утробу свою мучит голодом. . . зимою жметя»; душа его «тлеет, зрящи блистания златного». Скупой рыцарь при виде открытых сундуков восклицает: «Я царствую!. . . Какой волшебный блеск!. . .» и т. д. Свое сопоставление облика сребролюбца «учительной» литературы с шедевром А. С. Пушкина Варвара Павловна заключает словами: «. . . поставив их рядом. . . мы можем справедливо оценить, как глубоко умели проникать в „помыслы“ и побуждения человека авторы дидактических произведений».³²

В заключение обращаюсь к уважаемым участникам конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Варвары Павловны Адриановой-Перетц, с предложением поддержать издание однотомника ее основных работ о поэтическом стиле древнерусской литературы. Проспект такого однотомника подготовлен. По существу это монография, в содержание которой входят: книга «Очерки поэтического стиля Древней Руси» (1947 г.), ставшая раритетом, но остающаяся настольной книгой филологов-медиевистов, и статьи «Сюжетное повествование в житийных памятниках» (1970 г.), «Человек в учительной литературе Древней Руси» (1972 г.), «К вопросу о круге чтения древнерусского писателя» (1974 г.).

Однотомник работ В. П. Адриановой-Перетц предполагается назвать «Очерки поэтического стиля Древней Руси»; он будет предварен вступительной статьей академика Д. С. Лихачева; объем книги — 25 а. л.

³² Там же. С. 67.